

УДК 94

DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-5/2-38-44

ЧУРАКОВ Димитрий Олегович
Московский педагогический
государственный университет
г. Москва, Россия
histor@inbox.ru

Dimitriy O. CHURAKOV
Moscow State Pedagogical University
Moscow, Russia
histor@inbox.ru

1917 ГОД: ИДЕАЛ, ИЛЛЮЗИИ ИЛИ РЕАЛЬНОСТИ СВОБОДЫ?

1917: IDEAL, ILLUSION OR REALITY OF FREEDOM?

Революция 1917 года состояла из нескольких этапов. На каждом из них действовали самые разнообразные социальные силы, между которыми общим было только одно - стремление к свободе, к развитию в России демократии. Но между участниками и современниками революции не было согласия в том, что нужно для достижения их идеалов, да и сама демократия понималась по-разному. Данная статья посвящена сложным тенденциям, определявшим общий ход революции после свержения монархии и создания первых революционных государственных и общественных структур. В статье показано, что падение монархии стало для большинства жителей России важным испытанием, поскольку ничего не ожидавшие люди оказались перед потребностью резкого переосмысления устоявшегося уклада жизни, аксиологических координат и политических представлений. Стала ли Россия в результате революционных перемен самой свободной страной во всем мире, как о том говорили многие участники событий 1917 года? Или страну захлестнула вторая русская (Красная) Смута, как об этом заявляли их оппоненты, иначе воспринимавшие происходящее вокруг них со страной и народом? Автор статьи приходит к парадоксальному выводу, что по-своему правы были обе стороны, поскольку революционные процессы породили в стране не только волну ничем не сдерживаемой охлократической вольности, но и творческое стремление разных социальных групп, принявших создавать свои собственные институты самоорганизации и самоуправления. Именно в бурном росте институтов гражданского общества автор видит демократический потенциал революции 1917 года и называет ее революцией самоуправления.

Ключевые слова: революция, смута, государственность, монархия, самодержавие, демократия, гражданские институты, рабочие организации, самоуправление

The revolution of 1917 consisted of several stages. Each of them acted in a variety of social forces, between which the General was only one - the desire for freedom, to the development of democracy in Russia. But between the participants and contemporaries of the revolution was not agreement on what is necessary to achieve their ideals, and democracy itself is understood in different ways. This article is devoted to the complexity of the trends that shaped the general revolution after the overthrow of the monarchy and the creation of the first revolutionary state and public structures. The article shows that the fall of the monarchy was for most people in Russia important test, since nothing animated the people were faced with the need for dramatic rethinking established ways of life, axiological coordinates and political views. Is it a result of the revolutionary changes of the freest country in the world, as has been said many participants in the events of 1917? Or the country is flooded, the Second Russian (Red) confusion, as claimed by their opponents, and otherwise perceive what is happening around them with the country and people? The author comes to a paradoxical conclusion, that its right was both sides, as the revolutionary processes generated in the country is not only a wave of unrestrained ochlocratic liberties, but the creative desire of different social groups, began to create their own institutions of self-organization and self-government. It is in the rapid growth of civil society institutions, the author sees the democratic potential of the revolution in 1917 and called it the revolution of self-government.

Keywords: revolution, turmoil, state, monarchy, autocracy, democracy, civil institutions, workers' organizations, self-government

Информационное поле столетнего юбилея Русской революции 1917 года коренным образом отличается не только от юбилеев революции советского времени, но и от того, что происходило уже в современной Российской Федерации в 1997 и 2007 гг., когда историки спешили внести что-то новое в изучение революционной эпохи. Сегодня, похоже, и в обществе удалось снизить интерес к событиям столетней давности, и у научного сообщества. В силу этого книжная продукция, которая посвящена юбилею, крайне редко приносит новые знания и посвящена преимущественно новым оценкам. Так получилось, что одним из ключевых вопросов, которыми пестрят книги 2017 года по революционной истории, газетные и журнальные публикации, а также публицистические и художествен-

ные фильмы, которые под конец года наконец-то массово появились на федеральных каналах, стал вопрос о соотношении революции и демократии.

Общественность, а вместе с ней и ученых интересует вопрос о совместимости двух этих понятий. Возможна ли свобода в условиях революции? Или хотя бы в результате революции? Бои за народную волю - что это? Некий идеал, несбыточные иллюзии или реальности? Так или иначе, взгляд историков, политиков и обывателей концентрируется на проблематике, связанной с демократическими силами периода русской революции 1917 года, ложности или правдивости звучавших лозунгов о демократии, наконец на характере революции - авторитарный он или все же демократический. Обобщая, можно сказать, что одной из наиболее востребованных в год столетнего юбилея историографических проблем остается проблема демократического потенциала 1917 года.

Если анализировать события 1917 года, то первое, с чем приходится сражаться, - это убежденность многих современников тех событий, а также живущих через столетие их потомков в том, что после февраля 1917 года Россия обретает свободу. Свидетельством этому служит уже сам факт ликвидации самодержавного строя. Согласно исторической мифологии, прочно укоренившейся в национальном сознании россиян, после ухода в прошлое монархической формы правления Россия, как по мановению руки, превращается в передовую, самую демократическую, самую свободную в мире державу. И действительно, многие люди старшего поколения еще со школьной скамьи помнят соответствующее моменту ленинское высказывание о постреволюционной России.

Тем, для кого в наши дни Ленин перестал быть авторитетом, можно найти аналогичные слова и у некоторых других лидеров революционной волны. Особенно много утверждений об особом демократизме февраля рассеяно по изданиям разных лет авторов из числа меньшевиков. К примеру, И.Г. Церетели приводит вдохновенный гимн с восхвалением «демократической России» после февраля. Он готов уверить своих читателей в том, что страна в те медовые месяцы революции жила в «обстановке абсолютной свободы» и по самому совершенному в мире избирательному закону, в то время как наиболее «консервативные элементы» опасались противодействовать «влиянию демократических идей» и «широким демократическим реформам» [1, с. 228-229]. Но как можно некритично доверять каждому суждению такого рода?

Даже если деятели самых разноплановых политических партий того времени и не лукавили, а в самом деле были убеждены в демократизме послепевральской России, то перед нами все равно оценки, сделанные представителями одного и того же, причем очень незначительного по численности, социального слоя, каковым была радикальная политическая интеллигенция. Добившись политических прав, возможности входить в правительство, возвратиться из ссылки и эмиграции, открыто выступать перед готовой внимать каждому их слову многотысячной аудиторией, они вполне могли уверовать в пришествие «Царства Свободы» и попытаться убедить в собственной правоте своих сторонников. Но что, если все же подойти к определению февральско-мартовских событий 1917 года как революции демократической с известной долей скепсиса и посмотреть, что он мог означать в жизни, как говорят представители антропологического подхода к истории, «маленького человека» - рядового участника или просто свидетеля событий? При взгляде с подобного ракурса картина будет выглядеть уже не так однозначно радужно.

В начале 1917 года многие действительно могли нетерпеливо ожидать, когда же Николай II оставит престол. Но это вовсе не означает, что даже среди деятелей антицаристской оппозиции все являлись сторонниками республиканского строя. Что же говорить о русской глубинке, куда бурлившие в столицах страсти вообще практически не проникали и критическое отношение к власти проявлялось не в таких политизированных формах. Немалое количество крестьян, солдат, да и рабочих даже не могли себе представить никакого политического устройства, помимо монархии, помимо того устройства государства, к которому они привыкли с детства. В силу этого разрушение здания самодержавия обернулось для страны в целом уничтожением не только авторитарной, но и авторитетной формы правления, к которой подавляющая часть населения просто привыкла. Следует, вероятно, высказаться более конкретно - наблюдалось разрушение и сворачивание национальной отечественной государственности как таковой.

В наши дни, сто лет спустя, более очевидно, куда могла привести дорога, на которую Россия встала в феврале 1917 года. Для нашей страны на протяжении веков государство являлось гораздо большим, чем просто государством - это был особый защитный

механизм, особый сберегающий нацию слой. В современной историографии растет понимание, что Россия - это страна с недостаточным совокупным прибавочным продуктом. А это подразумевает неприятную, но вполне понятную потребность в централизованном изъятии части прибавочного продукта у разрозненных хозяйствующих субъектов для решения задач общенационального масштаба. Что это может быть? Например, речь может идти о задачах, связанных с обороной (к слову, в 1917 году Россия как раз находилась в состоянии войны). Но не только: культура, борьба с угрозой голода, социальные программы - все это и многое другое традиционно в России находилось в руках государства. Тем самым разрушение государственного механизма оказывалось чревато гибелью всего общественного организма. Именно подобного рода угроза возникла в результате событий, приведших к демонтажу монархии.

Как однажды удачно подметил Бухарин, падение царизма застало буквально врасплох не одних только тех, кто падал, но даже и тех, кто его в прошлом валил [2, с. 20.]. Травмы, полученные вследствие падения, оказались крайне болезненными. В дни Февраля свобода неграмотной частью населения часто понималась как вседозволенность. Так, член эсеровского руководства того времени, позже в США ставший видным социологом, Питирим Сорокин в автобиографии пишет об одном потрясшем его случае из жизни революционного Петрограда, который произошел вскоре после ликвидации царизма. Проходя по своим делам недалеко от Бестужевских курсов, он заметил хохочущую и показывающую неприличные жесты толпу: «В подворотне на глазах у зевак совокуплялись мужчина и женщина, - рассказывает он, - "Ха, ха, - смеялись в толпе, — поскольку свобода, все позволено"» [3, с. 77-86]. Стоит задуматься: современной историографией доказано: такого рода шокирующие эксцессы в революционной повседневности отнюдь не являлись чем-то единичным, исключительным, случайным [4, с. 62-63.].

За разрушением не только полицейских участков, но и прежней морали последовал вполне естественный рост преступности. На это улица ответила самосудами и зверскими расправами - еще один знаковый элемент смутного времени. Интересные зарисовки данной проблемы имеются в «Несвоевременных мыслях» М.А. Горького, которые писатель приводил в своем периодическом издании времен революции «Новая жизнь». В одной из статей читаем: «За время революции насчитывается уже до 10 тысяч "самосудов". Вот как судит демократия своих грешников: около Александровского рынка поймали вора, толпа немедленно избивала его и устроила голосование: какой смертью казнить вора: утопить или застрелить? Решили утопить и бросили человека в ледяную воду. Но он кое-как выплыл и вылез на берег, тогда один из толпы подошел к нему и застрелил его...». Или еще одна знаковая зарисовка с натуры: «Солдаты ведут топить в Мойке до полусмерти избитого вора, он весь облит кровью, его лицо совершенно разбито, один глаз вытек. Его сопровождает толпа детей; потом некоторые из них возвращаются с Мойки и, подпрыгивая на одной ноге, весело кричат: "Потопили, утопили!" Это - наши дети, будущие строители жизни...». Писатель театрально восклицал: «Крылья юной нашей свободы обрызганы кровью» [5, с. 82, 93-94].

Народное хозяйство России после свержения монархии пребывало в ситуации уверенно нарастающего кризиса. Если при царе более или менее получалось поддерживать экономику на плаву, то летом-осенью 1917 года новым либеральным властям эта задача оказалась не по плечу. Глубоко проанализировавший по методам новомодной сегодня синергетики постфевральскую ситуацию тех месяцев исследователь М.С. Ельчанинов сделал важное обобщение, мало отличающееся от выводов, получаемых в прошлом советской марксистской историографией. Согласно выводам Ельчанинова, при всех без исключения составах Временного правительства системный кризис, охвативший Россию, развивался с ускорением, а общество погружалось в состояние хаоса, несмотря на робкие попытки властей остановить лавинообразный процесс разрушения экономики при помощи безудержного славословия в адрес «абстрактной демократии» [6, с. 173 и др.].

В промышленной сфере падение производства в сравнении с показателями предшествующего года достигло около 40%. К сентябрю-октябрю 1917 года пугающе надвигались неизбежные спутники хозяйственной разрухи - разлад денежной системы, рост цен, угроза голода, безжалостно бившие по населению. По подсчетам, которые приводил еще классик советской историографии П.В. Волобуев, в марте инфляция составила примерно 6,4%, в апреле она увеличилась до 13,4%, в мае - до 18,4%, и наконец в июне 1917 г. инфляция составила уже 28% [7, с. 219.]. Как писала газета «Голос народа» о положе-

нии низов, рабочие при выходе с фабрик, изнемогая от голода, буквально падали с ног «и их под руки уводили домой» [8]. Драматизм происходившего наглядно отразила в специальной сводке Александровская продовольственная управа: «В скором будущем, - говорилось в ней, - толпы городских, фабричных и безземельных деревенских жителей, не получая хлеба из продовольственного комитета, пойдут по деревням и селам, как это происходит уже в Иваново-Вознесенском районе» [9, с. 91 и др.]. К счастью, в 1917 году этого еще не случилось, но через год в поисках хлеба горожане понесли знамя революции, а точнее, гражданской войны в русскую деревню. Демократия заговорила языком ружей и пулеметов.

Кризис, который можно назвать и системным, и общенациональным, отразился и в других сферах. Так, уже непосредственно с февраля 1917 г. начинаются процессы, которые с неизбежностью снежной лавины привели к полнейшему развалу армии. В результате государственной институт, призванный защищать стабильность в стране и безопасность ее граждан, уверенно дрейфовал в сторону превращения в постоянную угрозу общественной стабильности. Именно следствием этих процессов становится, например, массовое жестокое истребление офицеров, которое носило стихийный, но не случайный характер.

Начало этим позорным проявлениям «революционности» солдат было положено в самой столице революции - Петрограде. После того, как информация о происходящем в Петрограде, особенно слухи о печально известном «Приказе № 1», дошли до фронтов, там началось абсолютно то же самое, иногда - в усиленной редакции. Цензура в те дни время от времени перехватывала письма солдат с фронта, в которых те откровенничали, как у них бунтуют и убивают офицеров. Но, пожалуй, самым большим трагизмом были отмечены события в Кронштадте. Там, в цитадели революционного флота, расправы приняли массовый характер и осуществлялись с особой жестокостью [10, с. 15-17 и др.]. И вот такую бурлящую анархической вольницей и бунтарским настроением армию «любовник революции» А.Ф. Керенский назвал самой свободной! Самосуды? Массовые расправы над офицерами? «Ха, ха, - поскольку свобода, все позволено»!

На фоне такой февральской «демократии» вполне позволительно утверждать, что именно в февральские дни возникает и такое уродливое явление, как революционный террор. Пусть даже новая революционная власть заявила об отмене в России смертной казни, эстафету расправ у рухнувшего государства начинает все решительнее перехватывать толпа, отчего, по большому счету, набравший силу революционный террор становился еще более страшным, неотвратимым и слепым [11, с. 14-15].

Все сказанное выше позволяет сделать вывод, что обретение политических прав само по себе для граждан возникавшей в огне революции Российской республики сопровождалось непрерывными рисками для их жизни и жизни их близких. Практически в каждую минуту абсолютно любой человек мог подвергнуться немотивированному насилию. И если обесценивалась сама жизнь, то тем более собственность любого человека, независимо от его статуса, могла быть легко отчуждена. Фоном этому беспределу служило обострение продовольственного вопроса. Все это совершалось, подчеркнем это особо, при полнейшем бессилии властей, властей, которые не были легитимны и не сумели стать авторитетными. Невольно возникает риторический вопрос: а можно ли называть демократической страну, в которой живущие в ней люди не знают, что их ждет уже завтра, через час, через минуту? Страну, в которой революционное правительство не может и не желает отвечать за свою бездеятельность? Те современники революционных событий 1917 года, а также исследователи последующих лет, кто доказывал демократизм Февраля, видимо, забыли именно об этих многочисленных угрозах, связанных с разрушением в России традиционного государственного уклада, а также с процессами тотального распада и атомизации российского общества.

Но если не в утверждении широких «политических свобод», то в чем тогда можно усмотреть демократический потенциал революции 1917 года? Перед тем, как сформулировать вероятный ответ на данный вопрос, следует, как представляется, обратиться к некоторым фактам. Как правило, все они достаточно широко известны, однако выводы из них историки и обыватели делают далеко не всегда, видимо потому, что эти выводы могут увести от привычных, устоявшихся в отечественной и зарубежной историографии схем и оценок уж слишком далеко.

Ни для кого не секрет, что многие граждане нашей страны, в том числе ученые, готовы признать, что в истории России важную роль на протяжении веков играло сильное государство. О том, в чем крылись причины такой значимой роли в отечественной истории государства и его институтов выше было сказано - это относительная скудность получаемых населением ресурсов, которая требовала от наших предков создания специального механизма, который бы решал задачи общенационального плана. Именно таким механизмом и являлось государство. Но, к сожалению, одновременно с признаем высокого значения сильной власти в судьбе нашего народа может возникнуть соблазн в той или иной степени противопоставить российское государство российскому обществу. Нельзя с порога отвергать даже самые радикальные взгляды на этот счет, даже такие, как уверенность в том, что «сильное государство означает слабое общество», что «сильный центр порождает слабые окраины», что в России уже в старину происходит «закрепощение» всех сословий властью Московского государя и т.д. Но и слепо доверять подобного рода суждениям тоже ошибочно, поскольку они грешат откровенной предвзятостью. Дело в том, что национальная специфика России вела к формированию в нашей стране не только сильной центральной власти, но и устойчивых демократических институтов, без которых российская история оборвалась бы уже в глубокой древности.

Сущность демократических институтов каждого народа тесно связана с историческим прошлым данного народа, со спецификой трудовой деятельности и формами человеческого общежития, самим месторазвитием, в котором происходит формирование народа. В этом ряду русский народ не является каким-то исключением. Становление русского народа проходило на необъятных просторах Востока Европы, где земледельческий цикл чрезвычайно затруднен морозной зимой и коротким, часто холодным и пасмурным летом. Недостаточно благоприятные для земледелия условия диктовали потребность в зарождении у наших предков начал коллективизма. Данная потребность нашла свое отражение в складывании у восточных славян территориальной (соседской) общины. В ее основе лежали совместный труд, взаимовыручка, неприятие вертикальных иерархических структур, а также каких-либо авторитарных механизмов в организации трудового процесса. На такой почве и происходила кристаллизация древнейших институтов трудовой демократии, которые с течением времени станут питательной почвой для возникновения самобытных форм государственности различных восточнославянских племенных союзов по принципу делегирования полномочий.

К сожалению, нередко под влиянием самых разных, в первую очередь внешних обстоятельств национальные демократические традиции, базировавшиеся на общинно-артельных корнях, были не способны проявиться в должной мере. Но в переломные моменты истории их значение всегда возрастало. Так происходило, например, в годы первой русской Смуты XVII в. В те времена связь между государством и русским обществом порвалась, и государство, по сути, прекратило свое существование. Лишь после того, как первое и второе народные ополчения смогли создать в стране центры сопротивления, центры роста, уже не дискредитировавшая себя власть, сам народ смог себя консолидировать. Только благодаря этому была воссоздана ткань национальной государственности. Это и означало окончательное преодоление Смуты.

1917 год многие вслед за А.И. Деникиным справедливо считают временем второй русской, или Красной, Смуты. Симптомы все те же. Как и три столетия назад, власть показала свое бессилие, неотвратимо теряла свой авторитет. Даже члены императорской династии стали отворачиваться от самой идеи традиционной монархии, начали украшать свои петлицы красными бантами, служившими символом Февраля. Даже армия, не желав придерживаться прежней присяги, поторопилась присягнуть Временному правительству... Все эти и многие другие факты, составлявшие ткань повседневной жизни страны накануне первого этапа революции, заставляли каждого задуматься, а, задумавшись, каждый был способен понять: государства, скрепляющего российское общество, более не существует.

Строго говоря, все события, которые последовали после отстранения Николая II от власти и его ареста, - это попытка общества отстроить заново свой оборонительный слой, свой «панцирь», свою «кожу» - свое государство. Многовековая мудрость представителей самых разных социальных слоев русского общества, как видим, подсказывала, что без этого не удастся не только добиться свободы, но и просто выжить. Видимо, именно в связи с этим современники революции порой готовы были рассуждать о каком-то спаси-

тельном «государственном инстинкте» простых русских людей, позволившем им найти путеводные маячки в условиях необходимости жить в катастрофе всеобщего хаоса [1, с. 231].

Практически уже в ходе падения монархии завязывается поразивший, но одновременно и вдохновивший современников обвала процесс создания самочинных гражданских институтов - самых разнообразных, многоцветных, подчас не поддающихся логике и точной оценке их политического облика. Среди них мы видим и органы территориального самоуправления: комитеты общественной безопасности, общественные исполнительные комитеты, возрожденные думы и земства. А рядом с ними структуры классового, профессионального, национального, конфессионального и т.д. самоуправления. Становление всех этих демократических организаций происходило не только в Петрограде, но даже в самых удаленных от него уголках империи, в армии, в небольших провинциальных городках, станицах, селах, аулах и кишлаках... В процесс гражданского строительства оказались втянуты представители самых различных классов и слоев населения. Все это позволяет определить Русскую революцию 1917 года в качестве революции самоуправления.

Таким образом, можно прийти к выводу, что однозначного ответа на поставленный в названии статьи вопрос дать не получится. И вовсе не потому, что до сих пор многие и многие граждане страны примеряют на себя политические костюмы участников революции и гражданской войны, отождествляют себя то с монархистами, то с революционерами, то с красными, то с белыми. Просто свобода, возможность создать в революционной России демократическое общество были, конечно, идеалом для многих. Но понимался этот идеал по-разному. К тому же действительность, что понятно, оказалась совсем не такой, какой она виделась накануне свержения царизма. Чьи-то идеалы оправдались в большей степени, чьи-то в меньшей. Более того, для многих события революции стали не воплощением идеалов, а их крушением. Тем не менее представляется, что неправомерно отрицать на этом основании демократический потенциал Великой Русской революции.

Демократизм революции нашел свое выражение не в декларировании бесчисленных «политических свобод», часто более чем сомнительных, подсмотренных лидерами Февраля в конституциях стран Северной Америки и Западной Европы. А в том, что в конце концов помогло выбраться из тотального хаоса, каковым в реальности обернулась та «политическая свобода», о которой так много и красноречиво рассуждали участники антицаристского фронта в 1917 году и продолжают писать сегодня некоторые авторы. В условиях хаоса, разрухи, самой удручающей анархии никто иной, а сам народ, иными словами, непосредственно демократический элемент взял на себя решение задач по восстановлению полностью разрушенной российской государственности. И подобное течение событий не было случайностью, а предопределялось глубинными закономерностями отечественного исторического развития, которые в другой, более спокойной обстановке бывают отеснены на второй план и мало заметны неискушенному наблюдателю. Демократический потенциал русской революции 1917 года проявился в том, что в условиях всеобщего кризиса начали срабатывать защитные механизмы, национальные традиции трудовой демократии и самоорганизации, позволившие обществу сохранить себя и возродить свою мощь на новых идеологических и организационных основах.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Церетели И.Г. Кризис власти. - М., 1992. - С. 228-229.
2. Бухарин Н. От крушения царизма до падения буржуазии. - Харьков, 1923. - С. 20.
3. Сорокин П. Дальняя дорога. Автобиография. - М., 1992. - С. 76-86.
4. Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. - М., 1997. - С. 62-63.
5. Горький М. Несвоевременные мысли: Заметки о революции и культуре. - М., 1990. - С. 82, 93-94.
6. Ельчанинов М.С. Социальная синергетика и катастрофы России в эпоху модерна. - М., 2005. - С. 173 и др.
7. Волобуев В.П. Пролетариат и буржуазия в России в 1917 г. - М., 1964. - С. 219.
8. Голос народа. - 1917. - 14 окт.

9. Шаханов Н. 1917-й год во Владимирской губернии: хроника событий. - Владимир, 1927. - С. 91 и др.
10. Волков С.В. Трагедия русского офицерства. - М., 2002. - С. 15-17 и др.
11. Плеханов А.М. Дзержинский. Первый чекист России. - М., 2007. - С. 14-15.

REFERENCES

1. Tsereteli I.G. Krizis vlasti. [Crisis of power]. M., 1992. p. 228-229.
2. Bukharin N.I. Ot krusheniya tsarizma do padeniya burzhuzii. [From the collapse of tsarism to the fall of the bourgeoisie]. Khar'kov, 1923. p. 20.
3. Sorokin P. Dal'nyaya doroga. Avtobiografiya. [The long road. Autobiography] M., 1992. p. 76-86.
4. Buldakov V.P. Krasnaya smuta. Priroda i posledstviya revolyutsionnogo nasiliya. [The Red Troubles. The nature and consequences of revolutionary violence]. M., 1997. p. 62-63.
5. Gor'kiy M. Nesvoyevremennyye mysli: Zametki o revolyutsii i kul'ture. [Untimely thoughts: Notes on the revolution and culture]. M., 1990. p. 82, 93-94.
6. Yel'chaninov M.S. Sotsial'naya sinergetika i katastrofy Rossii v epokhu moderna [Social synergetics and catastrophes of Russia in the modern era]. M., 2005. p. 173 i dr.
7. Volobuyev V.P. Proletariat i burzhuziya v Rossii v 1917 g. [The proletariat and the bourgeoisie in Russia in 1917]. M. 1964.p. 219.
8. Golos naroda. [Voice of the people]. 1917. 14 окт.
9. Shakhonov N. 1917-y god vo Vladimirskoy gubernii: khronika sobytiiy. [1917 year in the Vladimir province: a chronicle of events]. Vladimir. 1927. p. 91(i dr.).
10. Volkov S.V. Tragediya russkogo ofitserstva. [The tragedy of Russian officers]. M., 2002. p. 15-17 (i dr).
11. Plekhanov A.M. Dzerzhinskiy. Pervyy chekist Rossii. [Dzerzhinsky. The first Chekist of Russia]. M. 2007. p. 14-15.

Информация об авторе:

Чураков Дмитрий Олегович, доктор исторических наук, профессор, Московский педагогический государственный университет,
г. Москва, Россия
histor@inbox.ru

Получена: 04.10.2017

Для цитирования: Чураков Д.О. 1917 год: идеал, иллюзии или реальности свободы? Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 5. Часть 2. с.38-44.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-5/2-38-44.

Information about the author:

Dimitriy O. Churakov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Moscow State Pedagogical University,
Moscow, Russia
histor@inbox.ru

Received: 04.10.2017

For citation: Churakov D.O. 1917: ideal, illusion or reality of freedom? Historical and Social-Educational Idea. 2017. Vol . 9. no. 5 Part. 2. Pp. 38-44.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-5/2-38-44. (in Russian)